

НАША СТРАНА

111

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMANARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 588.986

Correo
Central B.
ArgentinaFRANQUEO PAGADO
Concesión Nº 4233
Concesión No. 3980

INTERES GENERAL

AÑO X

Buenos Aires, Jueves, 17 de julio de 1958

Буэнос Айрес, четверг 17 июля 1958 года

№ 443

ИВАН СОЛОНЕВИЧ

ЦАРЕУБИЙЦЫ

Здесь нельзя говорить даже о расстреле, расстрел — это казнь, а казнь предполагает суд. Людовик XVI предстал перед каким-то — пусть и неправомочным, но все-таки судом. Людовику были предъявлены какие-то — не совсем уж вымышленные — обвинения в сношениях и “иностранными интервентами” и в попытке отстоять свой престол штыками иностранных монархов. Император Николай Второй никаких “интервенций” не предпринимал. Ни в каких “заговорах против республики” — не участвовал. Никаких обвинений Ему предъявлено не было и никаким судом он судим не был. Это было убийство — исключительное по своей жестокости и гнусности: убийство детей на глазах отца, и матери — на глазах детей. Это убийство лежит тяжелым и кровавым пятном на совести русского народа и, в особенности, на совести тех, кто в свое время был близок к Государю. Не потому, что народ или эти круги участвовали в убийстве, а потому, что ничего не было предпринято для спасения человека, который так просто, так безропотно сложил с себя власть и вверил Свою судьбу и судьбу Своей семьи русскому народу. Народ — не сумеет оправдать этого доверия. Народ виноват в этом меньше, чем его верхи.

Помню: обретаясь более или менее в “низах народа”, я все предполагал, что где-то, в ближайшем окружении Государя, есть некто толковый и преданный, кто не допустит дальнейшего издевательства над Государем и Его семьей. Кто нам, “низам” в нужный момент отдаст какой-то приказ, скажет, что нужно делать. Никого не оказалось. Никто ничего не сказал. Царь и Его семья были предоставлены во власть озверелого совдепа. Ничто для Их спасения предпринято не было. В этом — и наша с вами вина.

О личности и о царствовании Императора Николая Второго уже написаны десятки томов и, вероятно, будут еще написаны десятки тысяч. Слишком трагична — и индивидуально и исторически — судьба этого человека и связанная с ней судьба России. Слишком ярко выражен элемент “рока”, элемент иррациональности в этой судьбе — начиная с сабельного удара японского самурая, через Ходынку, болезнь Наследника, через Распутина, через “трусость и предательство”, сплетни и “гнуснейшие инсинуации”, неудачные войны, отречение и, наконец, до трагической гибели в екатеринбургском подвале. Я не собираюсь писать никаких мемуаров: покойного Государя я видел всего два раза в жизни — и видел Его, так сказать, с низов. Но может быть, эти отрывочные воспоминания представят некоторый интерес...

Первый раз — это было в дни Трехсотлетия Дома Романовых на Невском

1918 - 1958

проспекте. Я был, так сказать, “в составе толпы”, сквозь которую — без всякой охраны, но с большим трудом — пробивалась коляска Государя. Со мной рядом стояли два моих товарища по университету: один — левый эс-эр, другой — член польской социалистической партии. Над Невским гремело непрерывное “ура” — и оба моих товарища кричали тоже “ура” во всю силу своих молодых легких: обаяние Русского Царя перевесило партийные программы.

Я всматривался в лицо Этого Человека, на плечи которого “случайность рождения” возложила такую страшную ответственность за судьбы гигантской Империи.

Коляска протиснулась дальше. Крики толпы передвинулись по направлению к Адмиралтейству.

Второй раз — это было в начале войны в Минске, через который Государь проезжал, направляясь в Ставку. Я в те времена не был совсем уже “в низах”. Издавал газету “Северо-Запад-

ная Жизнь” и получил билет в собор, где в присутствии Государя служилась обедня. Обедня прошла не столь молитвенно, сколько торжественно, и после нее Государь прикладывался к иконам. Перед одной из них Он стал на колени — и на подметке Его сапога я увидел крупную и совершенно ясно заметную заплату.

Заплата не совсем вязалась с представлением о Русском Царе. Проходили годы, и она, оставаясь для меня неким символом, стала все-таки казаться плодом моего воображения. Только в прошлом году, в Софии, я в разговоре с о. Г. Шавельским, который хорошо знал Царскую Семью, вопросительно упомянул об этой заплате: была ли она возможна? Она оказалась возможной. О. Георгий рассказал мне несколько немного смешных и очень трогательных историй о том, например, как Наследник донашивал платья своих старших сестер.

Эта заплата стала неким символом — символом большой личной скромности. И с другой стороны — большой личной трагедии. Царская Семья жила дружно и скромно: по терминологии тогдашних сумасшедших огарочно-саннинских времен — это называлось мешанством.

Но Ее “частная жизнь” была не только вывернута наизнанку, не только залепана грязью, “инсинуациями самого грязного свойства”, но и “доведена до сознания народных масс” в этом виде. Можно сказать, что Ее Величество Сплетня одолела Его Величество Царя. Царь — заплатил своей жизнью. Россия заплатила двадцатью годами *) тягчайших страданий — но сплетня продолжает свое победное шествие. По крайней мере — по нашему зарубежью...

В подсоветской России сплетня как-то повывелась. Может быть, потому что не до нее. Страданиями двадцати лет выжжена сплетня и о Царской Семье. В сознании подсоветских масс — в особенности, крестьянства — образ Николая Второго сконструировался совсем не в том аспекте, которого ожидали убийцы. Не Николай Кровавый, не Николай Последний, а Царь-Мученик. Заплативший жизнью за свою верность России, за верность тому слову, которое Он дал от имени России и проданный своим “средостением”. О жизни и гибели Государя ходит масса слухов — в большинстве случаев совершенно апокрифических, создаются легенды, путей которых никто проследить не в состоянии. И именем Государя как бы возглавляется тот многомиллионный синодик мучеников за землю русскую, к которому каждый день сталинской власти вписывают новые имена. Для монархической идеи нет оружия более сильного, чем легенды и мученический венец. Призрак Царя-Мученика бродит по России, и он тем более страшен для власти нмуших — что его ни в какой подвал не затащишь.

Иван Солоневич

(“Голос России” 19 июля 1938 г.)

*) Статья написана в 1938 г.

В четверг, 17-го сего июля в сороковую годовщину убийства

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II
и ЕГО АВГУСТЕЙШЕЙ СЕМЬИ

в Кафедральном Храме Воскресения Христова (ул. Нуньес 3541)
в 20 часов будет совершена

ПАНИХИДА

В воскресенье, 20 сего июля, в зале “Бельгийского О-ва Взаимопомощи”
(ул. Иполито Иригожен 2521, высота Ривадавия 2500)

в СОРОКОВУЮ годовщину Екатеринбургского злодеяния, совершенного коммунистами над ИМПЕРАТОРОМ НИКОЛАЕМ II, ЕГО АВГУСТЕЙШЕЙ СЕМЬЕЙ и их верными слугами, состоится

ТРАУРНОЕ СОБРАНИЕ

На собрании с докладами выступят Б. С. Димитров и А. А. Навроцкий.
Начало в 17 часов. Вход свободный

И. Ланской

О «ДЬЯВОЛЬСКОМ НАВАЖДЕНИИ» И ДЛОПОКЛОННИКОВ ХХ ВЕКА, О ЦЕНЗУРЕ И ПРОЧЕМ

В связи с траурной годовщиной, которую русские люди в эмиграции всегда отмечают 17 июля, необходимо напомнить, что идеи и силы, которые в течение десятилетий расшатывали скрепы российской государственности, продолжают существовать. Живут и даже продолжают свою «благодетельную» деятельность и некоторые личности, которые принимали посильное участие в разрушении Императорской России.

И думается поэтому, что лучшим венком Царю-Мученику в годовщину злодейского убийства Его и Его Августейшей Семьи будет разоблачение деятельности этих терминов, подрывающих устои общественной и государственной жизни народов.

Если мы хотим возрождения России, мы должны постоянно противодействовать разлагающему влиянию различных политических сектантов и не поддаваться сладким голосам этих политических сирен, какими бы песнями о социалистическом или солидаристическом рае они нас ни соблазняли.

Одновременно, мы должны неустанно вскрывать их ложь и хулу на историческую Россию и ее верного Сына, последнего Царя, смертью своей разделенного судьбу любимого им народа — миллионов русских людей, умученных сатанинской властью интернационала.

Нам не дано знать будущего. Но уже теперь можно сказать, что возрождение национальной России начнется тогда, когда русские люди покаются и поймут, что революция — заговор против исторической России и ее христианской культуры, и что все участники революции, сознательно или несознательно, боролись не только за царство земное, но и против Царства Небесного. Помимо чистых интернационалистов они все, главным образом, принадлежали к интеллигенции — к кругам прогрессивной демократии.

Еще в 1914 г. в «Русской Мысли», в статье: «Почему застоялась наша духовная жизнь?» известный социолог и в прошлом марксист проф. П.Б.Струве отметил, что раньше у русского интеллигента мысли опережали действительность, теперь же, наоборот, — «жизнь неуклонно, со стихийной силой движется вперед, а мысль, идейная работа безнадежно отстает, ничего не производит, топчется на месте».

Это определение нашей прогрессивной демократии остается в силе и в наше время. Вот почему нужен крити-

ческий подход ко всему, что от нее исходит. Поэтому же сейчас все призывы к старым и ложным богам должны быть подвергнуты общественной цензуре, тем более, что обычно они полны ложных утверждений и слепого фанатизма людей, застывших в убеждении своей непогрешимости. И это особенно касается всех писаний представителей социалистического лагеря.

Правда, общественная цензура не может быть предварительной а только последующей, но о том, что она нужна, свидетельствуют т.н. «письма в редакцию», в которых общественность пытается восстанавливать истину.

При современном культе политических свобод в демократиях нет государственной цензуры, и она вводится только в исключительных случаях. Не входя в рассуждение о политических свободах, с которыми тесную связь имеет цензура, можно вполне определенно установить, что предпочтительнее цензура, установленная властью в интересах общественной морали и государственной безопасности, нежели цензура, установленная в интересах каких-либо отдельных групп и политических партий.

Первая цензура вводится государством, а вторая безответственными кругами и группами, имеющими свою прессу и преследующими свои, отличные от общих интересов, цели и часто направленные против них.

О государственной цензуре очень много пишут отрицательно. На нее нападают и, главным образом, именно представители этих антинациональных и антигосударственных групп. Но о цензуре этих групп никто ничего не пишет и широкие массы населения о ней не знают. А между тем, она, в наше время демократических свобод, одна фактически и действует, искажая и направляя по ложному пути общественное мнение.

Проводится она, главным образом, замалчиванием и тенденциозным освещением прошлых и настоящих событий, но и ложь играет в ней не последнюю роль.

В нашей зарубежной печати на русском языке это особенно заметно в социалистической газете «Новое Русское Слово» и особенно резко в статьях Е.Д.Кусковой. Она в своих писаниях пользуется всеми видами указанной цензуры: замалчиванием, тенденциозным освещением и просто искажением фактов. За май месяц с.г., например, в письмах в редакцию «Нового Русско-

го Слова» Е. Д. Кускову опровергали три раза: 8 мая «о городе Арзамасе» — Протоиерей П. З-кий, 20 мая «об Асе Тургенева» — М.Печковский и 25 мая «о взятках за бороды» — Н.Скрябин. Но, если бы писания г-жи Кусковой подвергались обстоятельному разбору и действительно существовала бы свобода печати, редакции пришлось бы отвести отдельное место для ответов Е.Д.Кусковой, которая не упускает случая, чтобы, как-нибудь оклеветать историческую Россию и ненавистную ей самодержавную власть.

Необходимо поэтому сказать, что всему, что пишет г-жа Кускова верить нельзя. Нельзя верить ей хотя бы потому, что она, как и все начетки социализма, лишена живого и простого чувства любви к своему народу, от имени которого обычно все они выступают, и потому ратует она не за его интересы, а в защиту идей социализма.

Что она лишена чувства любви к своему народу видно из рассказа, который она сама приводит в начале своей статьи: «О Мистике и Трезвости» (Н.Р.С. 27.IV.58 г.).

Она рассказывает о том, как в 1892 г. в Москве группа знакомых ей студентов решила «подурить» в сочельник и ничего лучше не могла придумать, как произвести опыт внушения над крестьянином, который приехал на базар продавать гусей. Опыт заключался в том, что все они, каждый в отдельности, подходили к возу с гусями и спрашивали: «почем зайцы?» По началу торговец ругался, а потом постепенно, поддаваясь внушению, стал терять душевное равновесие и наконец начал разбрасывать гусей крича: «Зайцы, ой зайцы! Попутал леший...»

А «шутники» — пишет Е.Д.Кускова, — стояли в стороне и наслаждались произведенным эффектом... «А мужика свезли в больницу и долго приводили в себя».

Так молодые демократы (ведь не стала бы Е.Д.Кускова водить компанию с белоподкладочниками *), эти болельщики за русский народ, безжалостно продлевали эксперимент над русским крестьянином, примерно так же, как в будущем их старшие братья — «народные демократы» — коммунисты будут безжалостно продлевать эксперимент над всем русским народом.

Но что делала в это время барышня Е. Д. Кускова? Как отнеслась к этому издевательства русская девушка, идеальный образ которой нам дал Пушкин в Татьяне Лариной, «с ее русско-

*) Белоподкладочниками назывались студенты, сыновья богатых родителей, которые заказывали себе студенческие мундиры на белых шелковых подкладках.

душой?» Не вспыхнуло ли ее сердце жалостью, не бросилась ли она к своим товарищам, чтобы прекратить перешедшую всякие границы игру? Нет, — ничего этого не сделала молодая девушка: верно не сродни она оказалась пушкинской Татьяне.

Правда, «вечером, в кружке, — пишет она, — мы обсуждали эту историю и считали такую шутку недопустимой: ведь мужик-то мог спятить совсем! (тон-то какой! И. Л.) Уже помимо того, что все это «наваждение» испортило его рождественскую выручку».

Но тут, надо сказать, говорило не сердце, а рассудок и из ее рассказа не видно, что вопрос об этом подняла она.

Но, может быть, молодая девушка была застенчива и робка? Этого сказать нельзя. Она только что «приехала в Москву из голодающей Саратовской губернии», где, как пишет «народник» В.М.Чернов *), она с подругой во время холерных беспорядков пытались уговаривать толпу «бить не докторов, а полицию...» Попытка эта могла кончиться для них плохо, пишет Чернов, т.к. толпа приняла их за фельдшерниц и погналась за ними. («Перед Бурей» стр. 54, В.М.Чернов).

Из этого случая видно, что молодая девушка вовсе не была застенчива и робка. Но так же видно, что никакой любви к народу у нее не было. Ведь фактически она натравливала одну часть народа на другую, т.к. царская полиция — стражники и городовые, были те же крестьяне, но только одетые в форму. Никакой «политграмоты» и особой школы они не проходили. В большинстве случаев они попадали на службу после прохождения военной службы в армии и потому отличались дисциплинированностью. Замечательный портрет такого служки полицейского дает Л.Андреев в рассказе «Бляха №» про городского Бергамота, который в пасхальную ночь, сменившись с поста, позвал на разговорье бродягу пьянчужку Гераску.

Это отсутствие любви к народу наблюдается не только у Е.Д.Кусковой, но у всех сеятелей «разумного, доброго». Вся общественно-политическая деятельность этих радетелей объясняется не любовью к народу, а ненавистью этих чуждых по духу русскому народу демократов к самодержавной монархии. Народ же для них служил лишь сред-

*) В.М.Чернов, — «циммервальдовец», социалист-революционер и пораженец. Был министром земледелия Временного Правительства первой коалиции и одновременно агентом Германского Правительства. См. «Роковые годы» стр. 77 Б. Никитина, б. Начальника Контрразведки Петроградского Округа от 7-го Марта по 22-ое Августа 1917 года.

И. СОЛОНЕВИЧ

№ 18

В БАРАКЕ

РОССИЯ В КОНЦЛАГЕРЕ

Да, конечно, каторга. Но где же в России, кроме Невского и Кузнецкого, нет каторги? На постройке Магнитостроя, так называемый, «энтузиазм» обошелся, приблизительно, в двадцать две тысячи жизней. На Беломорско-Балтийском канале он обошелся около ста тысяч. Разница, конечно, есть, но не такая уж, по советским масштабам, существенная. В лагере людей расстреливали в больших количествах, но те, кто считает, что о всех расстрелах публикует советская печать, совершают некоторую ошибку... Лагерные бараки — отвратительны, но на воле я видал похуже, и значительно похуже. Очень возможно, что в процентном отношении ко всему лагерному населению, количество людей, погибших от голода, здесь выше, чем, скажем, на Украине. — но с голода мрут и тут, и там. Объем «прав» и безграничность бесправия, — примерно, такие же, как и на воле. И здесь, и там есть масса всяческого начальства, которое имеет полное право или прямо расстреливать, или косвенно сжить со света, — но никто не имеет права ударить, обругать или обратиться на ты. Это, конечно, не значит, что в лагере не бьют...

Есть люди, для которых лагеря на много хуже воли, есть люди, для которых разница между лагерем и волей почти незаметна, есть люди — крестьяне, преимущественно южные, украинские, — для которых лагерь лучше воли. Или, если хотите, — воля хуже лагеря.

Эти очерки — несколько оптимистически окрашенная фотография лагерной жизни... Оптимизм исходит из моих личных переживаний и мироощущения, а фотография — оттого, что для антисоветски настроенного читателя агитация не нужна, а советски настроенный — все равно ничему не поверит... «И погромче нас были витии»... Энтузиастов не убавишь, а умным — нужна не агитация, а фотография. Вот, в меру сил моих, я ее и даю.

Представьте себе грубо сколоченный досчатый гробообразный ящик, длиной метров в 50 и шириной метров в 8. Посредине одной из длинных сторон прорублена дверь. Посредине каждой из коротких — по окну. Больше окон нет. Стекла выбиты и дыры позатыканы всякого рода тряпьем. Таков барак с внешней стороны.

Внутри, вдоль длинных сторон барака, тянутся ряды сплошных нар по два этажа с каждой стороны. Во концах барака — по железной печурке, из тех, что зовутся времянками, румынками, буржуйками — нехитрое и, кажется, единственное изобретение эпохи военного коммунизма. Днем это изобретение не топится вовсе, ибо предполагается, что все население барака должно пребывать на работе. Ночью над этим изобретением сушится и тлеет бесконечное и безымянное, вшивое тряпье — все, чем только можно обмотать человеческое тело, лишенное обычной человеческой одежды.

Печурка топится всю ночь. В радиусе трех метров от нее нельзя стоять. В расстоянии десяти метров замерзает вода. Бараки сколочены наспех из сырых сосновых досок. Доски разошлись, в стенах щели, в одну, из ближайших к моему ложу, я свободно просовывал кулак. Щели забиваются всякого рода тряпьем, но его мало, да и во время периодических обысков ВОХР тряпье это выковыривает вон и ветер снова разгуливает по бараку. Барак освещен двумя керосиновыми коптилками, долженствующими освещать хотя бы окрестности печурок. Но так как стекол нет, то лампочки мигают этакими одиночными светлячками. По вечерам, когда барак начинает наполняться пришедшей с работы мокрой толпой (барак в среднем рассчитан на 300 человек), эти коптилки играют только роль маяков указующих иззябшему лагернику путь к печурке сквозь клубы морозного пара и махорочного дыма.

Из мебели — на барак полагается два длинных, метров по десять, стола и четыре таких же скамейки. Вот и все.

И вот, мы, после ряда приключений и передрыг, угнездились, наконец, на нарах, разложили свои рюкзаки, отнюдь не распако-

вывая их, ибо по всему бараку вешеское месиво, с криками, руганью, по темным закоулкам барака.

Повторяю — на воле я видал особо отвратительное впечатление. Или землянки рабочих, или семейные... Или землянки рабочих, посмотришь, выйдешь на воздух, жемшь — ну-ну... вот тебе и отдеться не смотреть, а жить. «Двадцать лет у ближнего вашего, другое собственное дупло...»

Мне почему-то вспомнились рованию новых городов. Проект Магнитогорск: тоже не многим мужчин, барак для женщин. Как воспроизводству социалистическому, и родителей знать не должны эти «функции» социалистический звестный Сабсович, обиделся с к значительным неприятностям, производителей выступила Крутым загибом». Или говоря точнее не могут допустить, чтобы ящее левее их. Для спасения д визны пущен в обращение терм во — так это будет «правый» будет уже «левацкий». И прич

Не знаю, куда загнали в сторону. Но прожить в этакой де и голоде целых полгода?.. О

Мои, не очень оптимистиче пронзительный крик:

— Братишки... обокрали...Б

ством, тем тараном, которым они, раскачав его, хотели свалить власть царей.

Нельзя верить г-же Е.Д.Кусковой и потому, что она из-за своих социалистических шор многого не видит и потому еще, что иногда, грех — таить, и сознательно искажает или затемняет истину, лишь бы только охаять царскую Россию (самодержавие).

За примером недалеко ходить. В этой же статье она пишет: "Сейчас в эмигрантской печати идет спор о том, была ли Россия до революции страной, быстро двигавшейся по пути индустриализации или же нужно было больше-вистское, или какое-либо иное принуждение, чтобы двинуть ее по этому пути? Прежде всего вопрос темпов. И при царском самодержавии индустрия в конце XIX века развивалась. Но темпы ее были все же слабее сравнительно с Западом и Америкой".

Необходимо отметить, что г-жа Е.Д.Кускова, сравнивая русскую промышленность с западной и американской, говорит только о конце XIX века, наивно упуская последнее десятилетие по которому, как по последнему периоду, фактически и надо было сравнивать промышленное развитие России с другими странами. Делает это она потому, что именно в этот период (1904-1914 г.г.) наблюдался особенный размах в развитии русской промышленности.

Размеры статьи не позволяют мне дать подробные сведения об этом развитии. Интересующиеся могут ознакомиться с ним по книге В.И.Назанского "Крушение Великой России и Дома Романовых" (стр. 246-265) и в книге "Старого профессора" "Император Николай II и его царствование", издание кн. Д.Д.Оболенского. Указанные там сведения составлены профессором С-Петербургского Университета П.П.Мигулиным.

Привожу из них некоторые цифры, которые показывают увеличение промышленного производства с 1894 по 1917 г.: хлопка на 450%, железной руды на 1600% (тысяча шестьсот, пишу прописью, чтобы не думали, что ошибочно указана цифра), сахара на 400% (первое место в Европе).

В связи с таким ростом производства увеличилось и поступление налогов с торговли и промышленности на 500%.

Но, т.к. вышеупомянутые труды г-жа Е.Кускова может посчитать тенденциозными (написаны правыми) в интересах самодержавия, нахожу нужным отметить, что такие же сведения дает и "Ежегодник" за 1913 г. газеты "Речь", официоза оппозиционной императорскому правительству "кадетской" партии. Надо думать, что лидеров этой партии Милюкова и Винавера г-жа Кускова не обвинит в стремлении приукрасить жизнь в царской России. Там, например, указано, что с 1904 по 1914 г. рельсопрокатное производство увеличилось на 260%, а производство листового железа — на 400%. (Пишу по памяти, т.к., к сожалению, этого сборника под рукой не имею).

Необходимо подчеркнуть, что развитие промышленности не было односторонним (как мы видим это в СССР). Оно гармонировало с общим подъемом благосостояния и культурного развития всех слоев населения.

Например, ассигновки на низшее образование с 1894 по 1913 г. увеличились на 400% (проф. П.П.Мигулин). Вклады мелких собственников в сберегательных кассах увеличились с 1884 г. по 1917 г. на 1700% (тысяча семьсот). Рост государственных доходов увеличился на 300%.

В корне расходятся с Е.Кусковой и иностранцы, изучавшие развитие русского хозяйства. Они утверждают совершенно обратное тому, что пишет социалистическая дама. Историк С.С.Ольденбург в своем труде: "Царствование Императора Николая II" (том II, стр. 115) пишет: "Происходящую перемену отмечали иностранцы. В конце 1913 г. редактор "Economiste Européen" Edmond Théry, произвел по поручению двух французских министров обследование русского хозяйства. Отмечая поразительные успехи во всех областях, Théry заключал: "Если дела европейских наций будут с 1912 по 1950 г. идти также, как они шли с 1900 по 1912 г. Россия в середине текущего века будет господствовать над Европой, как в политическом, так и в экономическом и финансовом отношении". (См. предисловие "La Transformation économique de la Russie" Edmond Théry, Janvier 1914, Paris).

Дальше г-жа Кускова пишет: "Защитники индустриализации, как Витте, быстро устранились с арены действия". И тут она говорит неправду. Граф С.Ю. Витте был министром финансов с 1892 г. по 16 августа 1903 г., т.е. 11 лет. Срок этот никак нельзя назвать коротким. Потом, вскоре, он был назначен премьером; но на этом, чисто политическом, посту он, как писал Государь своей матери 10-XI-1905 г., проявил себя очень нерешительным *) и был смещен, пробыв премьером от октября 1905 по 22 апреля 1906 г.

Будучи председателем Совета Министров, Витте имел свидание на конспиративной квартире с руководителями революционного движения: председателем Совета Рабочих Депутатов Хрустальевым-Носарем и Львом Троцким. На этом свидании обсуждался вопрос о свержении монархии и образовании республики с Президентом Витте во главе. Государь узнав об этом был потрясен. Тем более, что Император Александр III, память о котором была ему свята и советов которого он всегда держался, очень ценил Витте, как министра финансов, и завещал сыну держать его на посту министра. Государь поэтом, уволил Витте, приказав, однако, дело о нем, которое вел товарищ прокурора В.А.Бальца, прекратить.

Одновременно с Витте (и в связи с этим делом) он уволил Министра Внутренних Дел П.Н.Дурново за то, что тот недосмотрел.

Вместо П. Н. Дурново был назначен П.А.Столыпин, которому Государь и сообщил это дело. П.А.Столыпин рассказал об этом своему сотруднику проф. А.В.Зеньковскому (автору книги: "Правда о Столыпине"). (Из воспоминаний проф. А.В.Зеньковского, находящихся в Русском Архиве при Колумбийском Университете в Нью Йорке, под попечительством проф. Мосли и под управлением Л.Ф.Магеровского и находящегося там же письма зятя П. А. Столыпина Бориса Ивановича Бок к проф. А.В.Зеньковскому от 1953 года.)

В заключение необходимо вернуться к эпизоду с гусями, который Е.Кускова приводит иронизируя по поводу подмишки М.Корякова с М.Вишняком о дьяволе и его участии в насаждении зла коммунизма. Е.Кускова хочет доказать, что дьявол здесь не при чем, а дело здесь в пропаганде и человеческой психологии. Не опасивая значение пропаганды и ее влияние на массы, что давно доказал Лебон, тем не менее можно сказать, что г. Коряков прав и "наваждение" все же было. Но было оно не у крестьянина, а у тех студентов, которые производили над ним свой опыт.

Ибо только дьявол мог внушить им такую жестокую идею. А чем иным как не дьявольским наваждением можно объяснить злость и слепую ненависть, которую питают представители либерально-прогрессивной общественности к Божиим помазанникам, русским царям. Ведь после того, как в 1906 году были уравнены в правах все классы населения, не оставалось и причин для недовольства у русских людей. Народное хозяйство и ремесла процветали, в рекордных темпах развивалась промышленность, пути сообщения, торговля и кредит росли и ширились в небывалых масштабах, народ богател. Политические свободы, из-за которых беспоявились наши "прогрессисты" ему не были нужны. Он и без них имел полную свободу для самостоятельности и приложения своего труда в любой отрасли.

Они нужны были только неспособным к созидательному труду утопистам, политическим сектантам и разным паразитам. За исключением мещанатов революции — богатых бар и именитого купечества, все они страдали ущемленным самолюбием, болезненным самонимением и все они, прикрываясь "прогрессивными идеями", хотели власти и денег. Поэтому политиканство они сделали своей профессией и источником дохода, а из политики сделали инструмент для достижения своих личных и партийных целей.

А разве не симптоматично, что все эти старатели революции, все эти прогрессисты и либералы были вне Церкви Христовой и в большинстве принадлежали к масонству, т.е. к антихристианской организации.

Мы все об этом мало думаем и не останавливаемся на этой мысли. А ме-

*) Эта нерешительность объясняется тем, что граф Витте изменил своему Государю.

АЛЕКСЕЙ РОСТОВ

НА РОДИНЕ

88. ГРОЗНЫЕ ПРИЗНАКИ НАРАСТАЮЩЕГО ТЕРРОРА. — ПЬЯНАЯ БОЛТОВНЯ ХРУЩЕВА В БРИТАНСКОМ ПОСОЛЬСТВЕ. — ПОЧЕМУ ИМЕННО ТЕПЕРЬ ПОНАДОБИЛСЯ РАССТРЕЛ ВОЖДЕЙ ВЕНГЕРСКОГО ВОССТАНИЯ? — НАСЛЕДНИКИ СКУЛЬПТОРА С. Д. МЕРКУРОВА И ЗАГАДОЧНОГО ХИМИКА К. — Н. ТР. ФЕДОРЕНКО НАЗНАЧЕН ПОСЛОМ В ЯПОНИЮ.

Все ярче и очевиднее признаки нарастающей новой волны советского террора, вызванной общим недовольством личной диктатурой Хрущева и слабостью положения нового диктатора.

Сейчас в годовщину вышибки из ЦК фактически сосланных четырех лидеров антихрущевской оппозиции их можно было бы уже позабыть, как всемерно позабыт дутый советский герой маршал Жуков. Но если вспоминают вождей оппозиции и выдумывают о них все новые небылицы, то ясно, что их популярность растет именно потому, что эти угнетатели народа в недавнем прошлом сейчас сами расшатывают тиранию современных тиранов и в силу оппозиции своей становятся ядром притяжения всех ненавистников коммунизма в России.

В прошлой статье я говорил о том, как Хрущев обвиняет Маленкова во всех современных неполадках сельского хозяйства и промышленности, выставив еще раньше против него обвинение в создании вместе с Берия и Абакомовым пресловутого "Ленинградского дела" 1949 г., приведшего к расстрелу члена политбюро Н.А.Вознесенского, члена Оргбюро ЦК А.А.Кузнецова и всех главарей Ленинградского Обкома партии. Молотова принято и сейчас обвинять в каких-то теоретических ересьях. Каганович виноват в клевете на украинского поэта Косюру, которого хотел подвести под гнев Сталина за его лирику.

Теперь выдвинуто новое нелепое обвинение против наиболее опасных вождей оппозиции. 28-го мая ЦК принял нелепое постановление "об исправлении ошибок в оценке опер "Великая дружба" В. Мурадели, "Богдан Хмельницкий" К.Данькевича и "От всего сердца" Г.Жуковского". В России давно забыли, что по личному почину А.А.Жда-

жду тем стоит вдуматься, почему все эти прогрессисты, социалисты и просто либералы так слепо и фанатично ненавидели, вернее были одержимы ненавистью к человеку, который был глубоким христианином, любил народ и всю свою жизнь отдавал для его блага, как клялся он во время коронации, когда коленопреклоненно и полный смирения молился Богу: "Ты же Владыка и Господи мой, настави мя в великом служении сем... Будь сердце мое в руку Твою, еже все устроити к пользе врученных мне людей и к славе Твоей, яко да и в день Суда Твоего неспетядно воздам Тебе слово". Для Государя эти слова не были красивой обрядностью. Эта молитва была для него присягой, которую он выполнял до последней минуты своей жизни.

И этот человек возбуждал их ненависть. Да! Прав Коряков, говоря о "дьявольском наваждении". А сомневаться в существовании дьявола, нам христианам, не приходится. О его существовании сказал ТОТ, самое имя КОТОРОГО является камнем преткновения для всех тех, кто в наш атомный век, подобно идолопоклонникам древности сделали себе своих богов и им поклоняются.

Так в наше время условные понятия о свободе, равенстве и демократии сделались фетишем, во имя которых опровергается и попирается абсолютное и вечное. А так как абсолютное и вечное не может быть опровергнуто, то для этого адептам современного языческого культа приходится прибегать к оружию дьявола — лжи.

И поскольку весь пафос прогрессивистов-демократов, направленный на проповедь культа политических свобод, принципа отделения Церкви от государства и идей интернационализма, анархизма, а в некоторых случаях и антирелигиозности, можно сказать, что служат они не Царю Небесному, а князю мира сего — дьяволу.

И. Ланской

нова 10-го февраля 1948 г. принято постановление ЦК, шельмующее пять самых крупных композиторов С. Прокофьева, Дм. Шостаковича, А. Хачатуряна, В. Шебалина и Н. Мясковского; затем последовала травля Г. Попова, К.Данькевича и Г.Жуковского. Но в августе 1948 г. умер бездарный сталинский любимец Жданов, имевший слабость считать себя великим музыкантом и нагло поучавший композиторов, как надо слагать оперы, симфонии, кантаты. Понемногу все это забылось и все ошелмывающие композиторов процветают. Почему же теперь, не созывая ЦК, Хрущев от его имени пишет длинное постановление в отмену имеющего десятилетнюю давность Ждановского творения? Признавая "положительное значение" того постановления (ЦК всегда непогрешим), указано, что "оценки творчества отдельных композиторов были бездоказательны и несправедливы", чему дается такое пояснение: "некоторые неверные оценки отражали субъективный подход к отдельным произведениям искусства и творчества со стороны И.В.Сталина". Перечислив все случаи неверной оценки опер в редакционных статьях "Правды", опубликованных по указанию Сталина в 1951 г. против композиторов Жуковского и Данькевича, ЦК поясняет: "а, как известно (?), в решении и этих вопросов весьма отрицательное влияние оказывали Молотов, Маленков, Берия". Поэтому ЦК осуждает "несправедливые и неоправданно резкие оценки творчества ряда талантливых советских композиторов, что было проявлением отрицательных черт, характерных для периода культа личности" и поручает редактору "Правды" Пав. Ал. Сатюкову написать "редакционную статью с всесторонним и глубоким анализом основных вопросов развития советского музыкального искусства" и партийным организациям поручено "провести разъяснительную работу".

Бедный Сатюков сделался музыкальным критиком и 8-го июня напечатал в "Правде" одновременно с постановлением ЦК свою длиннейшую статью "Путь советской музыки — путь народности и реализма", в которой воспевае модных композиторов и повторяет нападки ЦК на Молотова, Маленкова и Берия, осторожно ничего к ним не добавляя (а вдруг Маленков вернется к власти и притянет его к ответу за статью, которую он написал против него из-под палки Хрущева?)

Наряду с этими сопоставлениями трех виновников сталинских грехов и соучастниками его злодеяний наблюдаются другое симптоматичное явление: для объяснения читателям причин того хаоса, который внесли в промышленность хрущевские "реформы" начались нападки в печати на председателя созданных Хрущевым совнархозов. В свое время я отмечал, как упразднение министерств в Москве и учреждение 105 совнархозов позволили Хрущеву разгрузить столицу от маленковских ставленников путем назначения министров председателями провинциальных совнархозов. Теперь эти самые маленковцы объявляются одним за другим виновниками невыполнения планов производства и отгрузки в другие области продукции переданной в их ведение промышленностью. Наиболее резкие обвинения выдвигаются против председателя красноярского совнархоза кандидата ЦК, б. министра цветной металлургии Петра Фадеевича Ломока, который не выполняет планов производства, срывает отправку готовой продукции, словом ведет себя так, что завтра его могут посадить за саботаж. Председатель карагандинского совнархоза в Казахстане Дмитрий Григорьевич Оника сверх тех же грехов обвиняется еще в постройке себе роскошной дачи и отделе квартиры на счет "разбазаривания государственных средств". Это вызывает подозрение, что этих любимцев Маленкова скоро сделают "участниками антинарод-

ной шпионско-вредительской группы Маленкова, Молотова и других".

Мне сразу вспоминается моя ссылка в 1932-33 г.г. в Сталинске, где прославленный теперь академик Ив. Павл. Бардин строил металлургический комбинат; моим прямым и косвенным начальством были начальник строительства известный опальный раскаявшийся троцкист Сергей Соломонович Франкфурт, бухаринец Элькан Зиновьевич Гольденберг (б. ред. "Роте Фане" в Берлине), троцкисты Мендель Исаевич Батиков, Соломон Соломонович Дейч, Грольман, Кантор, Кроник; все они покровительствовали исподтишка ссыльным, мечтали о возвращении в Москву на крупные посты и все потом без исключения были расстреляны в "ежовщину". Отметим, что среди них в глуши Сибири находились многие оппозиционные вожди германской, австрийской, венгерской и болгарской компартий, причем общая опала невольно сближала в общей ненависти к Сталину и правых и левых оппозиционеров, которые все были правоверными коммунистами и врагами личной диктатуры Сталина. Теперь по далеким захолустьям рассеяны всякие бывшие министры и секретари крупных обкомов, теоретики марксизма, виновные в разных ересьях "догматизма" и "ревизионизма" вместе с различными опальными вождями иностранных компартий, как хотя бы загнанный в Монголию Ракоши. Все они являются кандидатами на скамью подсудимых и из них наберутся и провокаторы, которые сыграют гнусную роль Радека, топившего всех своих друзей, с которыми он интриговал против Сталина. Не намечается ли на эту роль "двурушник" Шепилов, которого вывел в люди и сделал министром иностранных дел и секретарем ЦК Хрущев, что не помешало ему принять участие в выступлении против своего хозяина Молотова, Маленкова и Кагановича, которые посулили этому честолюбцу пост первого секретаря ЦК на смену Хрущеву, если он поддержит их замыслы восстановить нарушенное Хрущевым "коллективное руководство".

Разговоры о нарастающем в СССР терроре приняли такой настойчивый характер, что о нем заговорили иностранные журналисты, которые знают, что в СССР в большинстве случаев о расстрелах ничего не сообщают.

Любопытным нововведением постсталинской эпохи является, как известно, хождение табуном всех членов президиума ЦК, министров и важнейших маршалов на приемы в иностранных посольствах, где они после выпивки делают всякие заявления иностранным журналистам и отвечают на весьма нескромные, порою, вопросы. Это делается часто для обработки иностранной неподчиненной Кремлю и падкой на всякие сенсации печати, что тем более безопасно, что советская печать о таких беседах с бокалом шампанского в руках после выпитой рюмки водки никогда ничего не пишет и в России об этом не знают.

12-го июня на приеме в британском посольстве по случаю дня рождения королевы Елизаветы II журналисты подошли к подвыпившему Хрущеву, сидевшему с послом сэром Патриком Рейли, А.И. Кириченко, Ф.Р. Козловым, А.И. Микояном и неразлучной с ним на таких приемах Ек. Ал. Фурцевой и спросили его: почему давно не видно на таких приемах М.А. Суслова? Тот весело сообщил, что Суслов сейчас отдыхает и купается в Черном море. Отметим, что журналистов поразило отсутствие Суслова во время переговоров с лидерами подведомственных именно ему компартий сателлитов, что вызвало разговоры об его отстранении от дел и заменой любимцем Хрущева Кириченко.

Конечно, страдавший в молодости туберкулезом легочных верхушек, впадогрудный и дрожащий за свое здоровье Суслов может нуждаться в отдыхе в Крыму, но это не исключает того, что он предпочел покинуть Москву в период полемики с Тито, в которой Хрущеву приходится осторожно исправлять собственные ошибки при несомненном недовольстве его промахами в рядах ЦК.

Один из осмелившихся журналистов задал другой вопрос: почему также давно не видно нигде Н.А. Булганина. Хрущев ответил, что Булганин серьезно болен и ему недавно сделали тяжелую хирургическую операцию, но что он на пути к выздоровлению; не поверивший такому объяснению журналист

80-ЛЕТНИЕ Н. И. САРМАТОВА

Многим эмигрантам в Аргентине известен Николай Иосифович Сарматов, многих он снабжает книжными новинками, свежими газетами и последними новостями, но мало кто знаком с его интересной и поучительной биографией.

Николай Иосифович родился 27 июля 1878 г. в Ковно, в семье лесопромышленника. Кончив гимназию, поступил в Императорское Театральное училище в Санкт-Петербурге. На выпускном вечере этого училища, в Александринском театре в 1901 году, он, перед многочисленной публикой, среди которой был и великий князь Константин Константинович, с успехом исполняет роль Репетилова в "Горе от ума". Этот вечер был началом сценической деятельности Н.И. Сарматова, которой он посвятил почти всю свою жизнь.

— По окончании училища, — вспоминает Николай Иосифович, — мне предложили место в Александринском театре, но волею судьбы я очутился — на эстраде, в плену малых театральных форм. Начал писать куплеты и юмористические сценки и исполнять их.

Со своим собственным, постоянно пополняемым репертуаром он с 1902 по 1913 год объехал почти всю Россию. Выступал в варьете, кино, цирках и на благотворительных вечерах. В 1913 году играл в театре миниатюр на Всероссийской промышленной и сельскохозяйственной выставке в Алексеевском парке Киева. Его гастроли по России чередовались с выступлениями в Петербурге и Москве. В 1904 году, он вместе с В.А. Казанским, открыл в Петербурге свой собственный театр "Гран Гиньол".

Играл Н.И. Сарматов и в кино. Это было на заре российской кинематографии, когда в примитивных студиях ставились первые фильмы отечественного производства. Начал сниматься в 1904 году в петербургской студии Дранкова. В 1911-12 г.г. снимался в Москве, в фильмах кинопредпринимателей Ханжонкова, Ермольева и братьев Патэ. Во время кинорежиссуры у Николая Иосифовича было сильно повреждено зрение и, хотя две операции частично восстановили его, но на всю жизнь он остался полуслепым.

В годы Первой Мировой войны Н.И. Сарматов работал в инженерно-строительных дружинах №№ 3 и 7 Союза Земств и Городов, получил в Румынии контузию и после излечения был назначен помощником начальника лесопильного завода, находившегося в ведении министерства земледелия и государственных имуществ. Однако, в конце войны он снова вернулся к сценической деятельности.

Революция застала его на Кавказе во время гастрольной поездки с театром "Черная кошка". Годы Гражданской войны он провел, как участник Белого движения: ездил с передвижным театром ОСВАГ-а по территориям, занятым антикоммунистическими армиями. При их отступлении и эвакуации его труппу захватили большевики и ему не удалось вырваться за границу.

После этого Николай Иосифович более трех лет выступал со своими куплетами и юмористическими сценками "на злободневные темы". В варьете и зрительных залах кино он пел, например, такие вещи:

"Это было в исполкоме,
Где так силен партийный дух;
Ах, это было на приеме
От двенадцати до двух..."

Коммунистам и чекистам подобные песенки, конечно, не нравились, и их исполнитель бывал не раз вызываем "для собеседования". Ему предлагали "обновить репертуар, изгнав из него идеологическую невыдержанность" и грозили арестом:

— Бросьте, товарищ, ваши мелкобуржуазные штучки; замените их про-

спросил: вернется ли по выздоровлению Булганин к управлению Государственным банком, на что Хрущев недовольно ответил: "зачем вам вмешиваться в наши внутренние дела?" Такой ответ вызвал сомнения в искренности предыдущего. Вполне возможно, что 63-летний Булганин действительно болен, но поправляется, но, если еще долго пролежит, то естественно было бы сказать, что вернется на свой пост тем более, что ответ ни к чему в будущем не обязывает. Уклончивый ответ дает основание думать, что Булганина хотят под предлогом дряхлости вообще сместить

летарским творчеством, иначе — посадить.

Николай Иосифович, однако, "штучки" не бросил, и в 1924 году ему было категорически запрещено выступать с куплетами и сценками. Он перешел в

1878 — 9 АВГУСТА — 1958

оперетту, где и пробыл до 1931 года; начал свою деятельность в ней в качестве комика, а закончил — директором труппы. Нет, кажется, ни одной оперетты из числа разрешенных к постановкам в Советском Союзе, в которой он не играл бы. Зрители там, вероятно, до сих пор его помнят в ролях Менелая ("Прекрасная Елена"), Гаспара ("Корневильские колокола"), Негоша ("Веселая вдова"), Раджи ("Жрица огня"), Филиппа ("Баядерка"), Ферри ("Сильва"), князя Кутайсова ("Холопка") и других.

В 1931 году Николай Иосифович был принужден оставить работу в оперетте и взяться за руководство концертными ансамблями. До начала 1937 года он разъезжал с украинскими и цыганскими ансамблями по приволжским и уральским городам. В этот период ему приходилось неоднократно сталкиваться с провинциальными представителями коммунистической театральной цензуры. Иногда при этих столкновениях бывали случаи, удивительные даже в условиях советского бытия.

Так, например, украинский ансамбль, руководимый Н. И. Сарматовым, приехал в один областной город. В репертуаре ансамбля были отрывки из "Запорожца за Дунаем" (музыка Гулак-Артемовского), "Майская ночь" (муз. Старицкого) и "Катерины" (муз. Аркаса). Прежде всего Николай Иосифович, как это и полагается, отправился за разрешением для спектаклей к цензору в облит (отдел НКВД, занимающийся вопросами литературы и искусства). Цензор оказался дубоватым и туповатым детиной, повидимому, "выдвинутым" на эту работу из тюремных надзирателей. Он достал из ящика стола репертуарные списки и долго читал их, беззвучно шевеля губами. Наконец, оторвавшись от списков, энкаведист объявил:

— Эту вашу Катерину с майской ночью разрешить не можем.

— Почему? — удивился Николай Иосифович.

— Они у нас запрещены решением вышестоящих организаций.

— Но ведь мы их ставили в других городах.

— Другие города до нас не касаются. Нам нужны пролетарские пьески, а вы тут придумываете какую-то Катерину подозрительную, да майскими ночами увлекаетесь.

— Ничего мы не придумываем. "Катерина" ставится нами по поэме Тараса Шевченко. Разве можно его запрещать?

— А кто такой этот ваш Шевченко?

— Известный украинский поэт...

— Может, буржуазный националист? Из петлюровцев, может?

— Ну, что вы! Он умер задолго до революции.

— Все равно разрешить не можем. Раз включен в запрещенный список, значит — точка...

— Но "Запорожца за Дунаем" вы, надеюсь, разрешите? — спросил Николай Иосифович.

Рука цензора полезла в затылок.

— С ним, товарищ, загвоздка получается, — сказал он. — Ни в разрешенном, ни в запрещенном списках ваш запорожец не значится. И название у него подозрительное. Дунай — это где? За границей вроде?

— За границей...

— Ну, вот видите. На территории, стало быть, капиталистического окружения... Нет, не можем дать разрешение вашему запорожцу.

— Позвольте! Да ведь киевский оперный театр скоро повезет "Запорожца за Дунаем" в Москву на фестиваль.

— Так то Москва и Киев, а мы — периферия, глубокая низовка. Что у них разрешено, то у нас — наоборот...

После долгих переговоров с "вышестоящими организациями" украинскому ансамблю все же удалось получить разрешение на постановку своих спектаклей в областном городе "советской низовки"...

В 1937 году Н.И. Сарматову предложили перейти на службу в Государственный Передвижной театр, на посту директора которого он и пробыл до начала Второй Мировой войны. Во время немецкой оккупации Николай Иосифович, с конца 1941 по сентябрь 1943 года, заведывал эстрадными площадками в одном из городов Украины. Затем эвакуировался в Германию вместе с артистами русской эстрады. В Берлине он составил эстрадную труппу и ездил с нею на гастроли в Австрию, Хорватию, Италию. Конец войны застал его в северной Италии. А дальше — беженские лагеря, лагерные концерты и постоянное уклонение от знакомства с представителями "советской родины, которая вас ждет".

А Аргентину Николай Иосифович приехал из Италии в январе 1948 года. Здесь он, несмотря на преклонный возраст и плохое зрение, участвовал в ряде спектаклей и концертов, а сейчас является активным членом Союза Российских Антикоммунистов.

Однажды, на вопрос о том, что его заставило покинуть родину, Николай Иосифович ответил так:

— Я приехал сюда бороться против коммунизма. Прожив в Советском Союзе четверть века и постоянно испытывая на себе гнет партийной цензуры, артист не может не быть убежденным антикоммунистом. Таким я был там; таким же остался и здесь...

В дни своего 80-летия Николай Иосифович Сарматов обращается к эмигрантской молодежи:

— Будьте сменой нам, старым антикоммунистам. Боритесь и словами и делом за освобождение вашей родины — России!

Комитет по чествованию артиста Н. И. САРМАТОВА приглашает отдельных лиц, организации, артистов, союзы, объединения, желающие принять участие в чествовании Николая Иосифовича Сарматова, записаться у председателя Комитета, г. К.А. Асеева лично или по телефону 51-1827 ежедневно после 6 час. вечера.

Лица, получивших приглашения на чествование артиста Н.И. Сарматова, просят пожаловать 9-го августа с.г. в 21 час, в Храм Св. Владимира (ул. Сан-Мартин 344, Вижа Бажестер) на м о л е б е н.

После молебна все приглашаются в зал, где состоится чествование Н.И. Сарматова.

и перевести на пенсию, как маршала Жукова.

Еще более смелый журналист спросил: правда ли, что Маленков на днях расстрелян? Хрущев не смутился, а скорее обрадовался, что среди журналистов уже подготовлена почва для подобных разговоров, и ответил, что Маленков жив и здоров, но что сам Хрущев давно с ним не виделся. Такой ответ не исключает возможности ареста Маленкова; ведь и про Берия накануне его расстрела можно было сказать, что он жив и здоров. Журналист выразил сожаление, что нельзя проверить

подобные слухи, на что Хрущев ответил столпившимся вокруг него журналистам: "все у нас легко проверить: купите себе купальный костюм и поезжайте купаться в море с Сусловым или возьмите на вокзале билет и поезжайте навестить Маленкова; потом купите букет цветов и свезите его в больницу Булганину; если врачи не позволят его беспокоить, то ваш букет поставят в его палату!" Рассмеявшись собственным словам, Хрущев повернул к собеседникам спину и тем прекратил любопытную беседу, которую, конечно не стали бы вести ни Ленин, ни Сталин, ни даже их пре-

емники по председательствованию в правительстве Маленков и Булганин. Подобные беседы составляют стиль Хрущевской эпохи, подготавливая иностранное общественное мнение к новым событиям в требуемом Хрущевым направлении. Но веселый собеседник и собутыльник дипломатов и журналистов уже открыто показал, что вступает на путь террора.

При чтении "сообщения Мин. Юстиции Венгерской Народной Республики о судебном процессе Имре Надж и его сообщников" поражает много странностей и неясностей; прежде всего очень странным кажется, что о казни кратко сообщило московское радио, а через несколько часов выпущено длинное венгерское сообщение. Это можно объяснить тем, что после казни в Венгрии колебались в выборе момента для обнародования сообщения и Хрущев приказал Московскому радио это разгласить, чтоб заставить венгров не откладывать опубликование сообщения явно для Кадара невыгодного и ненужного.

На самом деле через 17 месяцев после последних выстрелов в Венгрии можно было идти по трем путям: продолжать молчать о судьбе забытых легкомысленных и жадных до новых сенсаций Западом венгерских узников, которые постепенно умерли бы в заключении, или можно было их всех казнить и ничего об этом не сообщать и, наконец, можно было их приговорить к долгосрочному заключению, а койкого даже оправдать для рекламы своего милосердия и подобный приговор опубликовать. Венгерской компартии оповещение это явно невыгодно: опять поднимается мышиная возня в Объединенных Нациях, западные политики упражняются в красноречии, ничем фактически не помогая заключенным, еще томящимся по венгерским тюрьмам или вывезенным в советские концлагери.

Громкогласное оповещение выгодно только одному Хрущеву: он нашел нужным напомнить еще раз западным политикам и всему русскому народу, а также и сателлитам, что коммунизм держится на терроре и никогда от него не откажется: пусть знают все, начиная от добродушного оптимиста Айзенхауэра до гуманных британских лабористов, от Неру до Тито, что Хрущев, пришедший путем Сталина к диктатуре, не остановится перед новой ежовщиной и залететь кровью и Россию, которая поддержала в годы войны сталинское иго, и брошенные Черчиллем и Рузвельтом в кровавую пасть Сталина европейские и азиатские народы при малейшей попытке поколебать его личную диктатуру. Судьба Надж — предупреждение для Тито и Гомулки,

для всех и всяческих сосланных советских оппозиционеров, для всяких втихомолку брюзжащих советских маршалов, для пытавшихся либеральничать советских писателей.

Сейчас над судьбой Надж может задуматься Гомулка (Тито уже сжег мосты!) участь Малетера — урок для Жукова, Василевского, Рокоссовского; конец идеологов венгерского коммунистического "либеральничания" — предупреждение для Дудинцева, Пастернака и других наивных писателей, вообразивших, что теперь в СССР возврат к ежовщине невозможен.

Только поэтому приказал Хрущев напугать этой казнью своих врагов именно теперь, когда Тито окончательно взбунтовался, а Гомулка отказывается проклинать югославского диктатора, когда в СССР распустились всякие члены ЦК, воображающие, что личная диктатура Хрущева переходит в олигархию сотни с лишком членов ЦК; пусть перед ними встанут кровавые тени старого вождя венгерской компартии Надж, храброго и честного офицера Малетера и коммунистических идеологов Миклоша Гимеша и Йожефа Силади!

Все сообщение написано в стиле сталинско-ежовских обвинительных актов: еще в 1955 г. Надж задумал изменить коммунизму и создал подпольную группу из Геза Лашонци (он умер под пыткой еще во время следствия), Ференца Доната, Миклоша Гимеша и Йожефа Силади для подготовки антикоммунистического заговора (совсем как Молотов с Маленковым и Кагановичем), затем привлекли на свою сторону Золтана Тильди (как те — Шепилова) и наконец, Малетера. Надж якобы написал тайный документ "Мораль и этика", в котором назвал строй современных коммунистических государств "выродившейся бонапартистской властью" и сообщил его своим заговорщикам. Во втором документе "Некоторые актуальные вопросы" он предложил им "свергнуть народную власть" и восстановить многопартийную систему.

Наконец, в третьем меморандуме "Пять основных принципов международных связей" он требовал ликвидации Варшавского пакта и союза с СССР, чтоб поставить Венгрию на положение Югославии "на равном расстоянии от Москвы и Вашингтона". Нет надобности излагать весь этот лживый документ, составленный следственными властями — не венгерскими, а советскими. Из верного источника удалось узнать, что вероломно захваченные венгерские вожди восстания были перевезены в Румынию, а следствие поручено Хрущевым бывшему послу в Будапеште в 1955-57 г.г. Юрию Владимировичу Андронову, отозванному 7-го марта

Волею Божией скоропостижно скончался 7 сего июля в 14 час.

Императорской Армии полковник

АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ КРИШТАНОВСКИЙ

б. воспитанник Суворовского Кадетского Корпуса, о чем извещает с душевным прискорбием
Объединение Суворовцев

27 сего июля, в сороковой день со дня кончины поручика 19 Костромского пех. полка

**ВАЛЕНТИНА ФЕДОРОВИЧА
В А С И Л И У**

в церкви Св. равноапостольного князя Владимира (Сан Мартин 344, Вижа Бажестер), после Божественной Литургии, будет отслужена

ПАНИХИДА

о чем извещают горем убитая жена, сын с семьей, родственники и Союз Русских Белых Военных Инвалидов.

что Хрущев потребует его замены более надежным партийцем Мазуром, занимающим теперь пост польского посла в Праге. Несомненно, еще до прочтения читателями настоящей статьи разыграются новые и грозные события и Хрущев выступит с новыми мероприятиями против Тито, Гомулки, а, возможно, и против доморожденных сторонников "антипартийной группы" с Маленковым, Молотовым и Кагановичем во главе.

Веселым фельетоном в "Правде" от 15-го июня поднят важный юридический вопрос, который показывает, как шатко в СССР всякое право наследования?

После смерти известного скульптора Сергея Дмитриевича Меркурова осталась на его даче в Измайлове под Москвой заказанный ему памятник из красного гранита, который скульптор, умирая, письменно завещал в дар советскому народу; три года памятник не забрали и наследники решили потребовать при передаче памятника уплаты 25 тыс. за его хранение на дворе дачи. После нажима властей вдова Татьяна Сергеевна и младший сын Федя решили отказаться от всякого денежного возмещения, но сын Георгий и дочери Марина и Ариадна продолжают требовать судом возмещения расходов, чем "порочат память отца".

Оказывается, что сын Меркурова — доцент Института Права и, зная законы, защищает интересы свои и обеих сестер ссылками на эти законы. Тогда его вызывает к себе для увещания министр

шныряли урки, и смотрим на чело-

ганью и драками расплзающееся

барак и похуже. Но этот оставил

ие. Барак на подмосковных тор-

же по одному тому, что они были

их в Донбассе. Но там походишь,

и, вдохнешь полной грудью и ска-

чество трудящихся.. А здесь при-

разницы"... Одно — когда зуб бо-

— когда вам не дает житья ваше

По тону слышно, что украли последнее. Но как тут помо- жешь?.. Тьма, толпа, и в толпе змейками шныряют урки... Крик тонет в общем шуме и в заботах о своей собственной шкуре и о своем собственном мешке... Сквозь дыры потолка на нас мирно капает тающий снег...

Юра вдруг почему-то засмеялся.

— Ты это чего?

— Вспомнил Фреddie. Вот его бы сюда..

Фредд — наш московский знакомый — весьма дипломатиче- ский иностранец. Плохо поджаренные утренние гренки портят ему настроение на весь день... — Его бы сюда? повесился бы.

— Конечно, повесился бы, — убежденно говорит Юра.

А мы вот не вешаемся. Вспоминаю свои ночлеги на крыше вагона, на Лаптарском перевале и даже в Туркестанской "крас- ной Чай-Ханэ"... Ничего — жив...

БАНЯ И БУШЛАТ

Около часу ночи нас разбудили крики:

— А, ну, вставай в баню...

В бараке стояло человек тридцать вохровцев: никак не отвер- теться. Спать хотелось смертельно. Только что как-то обогрелись, плотно прижавшись друг к другу и накрывшись всем, чем можно. Только что начали дремать — и вот... Точно не могли другого времени найти для бани.

Мы топаем куда-то версты за три, к какому-то полустанку, около которого имеется баня. В лагере с баней строго. Лагерь боится эпидемий, и "санитарная обработка" лагерников произво- дится с беспощадной неуклонностью. Принципиально бани устро- ены неплохо: вы входите, раздеваетесь, сдаете платье на хране- ние, а белье — на обмен на чистое. После мытья выходите в другое помещение, получаете платье и чистое белье. Платье, кроме того, пропускается и через дезинфекционную камеру. Бани фактически поддерживают некоторую физическую чистоту. Мыло, во всяком случае, дают, а на коломенском заводе даже повара месяцами об- ходились без мыла: не было...

Но скученность и тряпье делают борьбу "со вшей" делом без- надежным... Она плодится и множится, обгоняя всякие плановые цифры.

Мы ждем около часу в очереди, на дворе, разумеется. Потом, в предбаннике, двое юнцов с тупыми машинками лишают нас вся- ких волосных покровов, в том числе и тех, с которыми обычные "мирские" парикмахеры дела никакого не имеют. Потом, после проблематического мытья, не хватило горячей воды, нас выпихи- вают в какую-то примостившуюся около бани палатку, где так же холодно, как и на дворе... Белье мы получаем только через полчаса, а платье из дезинфекции через час. Мы мерзнем так, как и в теплушке не мерзли... Мой сосед по нарам поплатился воспа- лением легких. Мы втроем целый час усиленно занимались бок- серской тренировкой, то, что называется "бой с тенью" и выско- чили благополучно.

После бани, дрожа от холода и не попадая зубом на зуб, мы направляемся в лагерную каптерку, где нам будут выдавать лагерь- ное обмундирование. ББК — лагерь привилегированный. Его под- порожское отделение объявлено сверхударной стройкой — пост- ройка гидростанции на реке Свири. Следовательно, на какое-то обмундирование, действительно, рассчитывать можно.

Снова очередь у какого-то огромного сарая, изнутри освещен- ного электричеством. У дверей "попка" с винтовкой. Мы отби- ваемся от толпы, подходим к "попке" и я говорю авторитетным тоном:

— Товарищ — вот этих двух пропустите...

И сам ухожу.

Попка пропускает Юру и Бориса.

Через пять минут я снова подхожу к дверям:

— Вызовите мне Синельникова...

Попка чувствует: начальство.

— Я, товарищ, не могу... Мне здесь приказано стоять, зайдите сами...

И я захожу. В сарае все-таки теплее, чем на дворе...

Дневник наблюдателя

ПО ВСЕМУ МИРУ

Положение в Ливане продолжает оставаться в центре внимания. Комиссия ООН не установила вмешательства в Ливанские дела Объединенной Арабской Республики. В Англии и САСШ была уверенность, что комиссия докажет это вмешательство. Правительство Ливана утверждает, что члены комиссии ООН были введены в заблуждение и подало в Совет Безопасности ООН протест по докладу Комиссии.

Посылка воинских частей САСШ в Ливан для завершения страны обозначает оккупацию. Последняя вызовет взрыв страстей всего арабского мира и, возможно вмешательство СССР. Мос-

культуры, а "Правда" уверяет, что в Институте о нем говорят: "Он — жуир; сладко ест, сладко пьет, ухаживает за красивыми женщинами, ездит на скачки!" Министерство попробовало вывезти памятник без его разрешения, но "Гога" заявил, что дар отца не оформлен через нотариальную контору и потому его письмо о намерении оставить памятник в дар, а не продать, не имеет юридической силы. Памятник принадлежит наследникам, которые его отдадут за 200.000 рублей, которые отец получил бы за него согласно заказу. Суд признал правоту наследников и теперь, судя по статье, Гога потеряет место в Институте, как "жуир", пользующийся законными правами на свое наследство.

Еще характернее второй случай: знаменитый старый химик К. женился на молоденькой соседке Люсе. "Правда" "великодушно" не осуждает ученого за позднюю любовь, тем более, что счастье ученого было недолговечным и он скоро умер". При жизни, имея огромные заработки и всякие премии, он, конечно, бесплатно разрешал друзьям и студентам пользоваться книгами из своей библиотеки, порою, очень ценными и редкими. Теперь вдова решила брать плату за пользование этими книгами, что никому не понравилось. Институт попытался отобрать библиотеку, но суд заступился за вдову — единственную законную наследницу мужа. Поэтому "Правда" выдвигает проект закона о конфискации у наследников умершего всякого имущества, интересующего государство. "Пусть молодые вдовы владеют на здоровье гардеробами, коврами, шифоньерами; пусть великовозрастные сынки и внуки живут на папиных дачах и ездят в дедушкиных машинах; но будущее не опубликованной рукописи и не поставленного на пьедестал памятника должна определять комиссия компетентных лиц".

Это очень сузит права наследования; семья писателя или художника ничего не получит за роман или картину, если покойный не успел их продать государству и оставить семье гонорар. Дачу тоже можно отобрать, как исторический памятник, ибо в ней жил великий ученый, писатель, художник, а вдову можно выгнать, дав ей "персональную" пенсию, которую через год часто сокращают, особенно, если узнают, что вдова служит панихиды на могиле: подобные случаи мне хорошо известны. Поэтому никто в СССР не может быть спокоен за материальное благополучие семьи после своей смерти.

После смерти советского посла в Японии Ив. Фед. Тевосяна 1-го апреля с.г. пост его долго оставался незанятым; по слухам на него прочили какого-нибудь неугодившего Хрущеву крупного сановника, как Булганин или Сулов; но теперь 14-го июня туда назначен заместитель министра иностранных дел заведывавший до сих пор всеми азиатскими отделами этого министерства Николай Трофимович Федоренко; это советский дипломат еще молотовской эпохи типа Костылева, Богомолова или Козырева без всяких политических претензий, не состоящий ни членом, ни кандидатом ЦК. Хрущев предпочитает этих дипломатов партийным вожакам неопытным в знании тех стран, куда их посылают, как Первухин в Берлине или покойный Тевосян в Японии. Сейчас опять идут разговоры о предстоящих смещениях и перемещениях советских дипломатов, что вызывает известное беспокойство в советских посольствах на Западе и на Востоке.

Алексей Ростов

ковская газета "Труд" намекает в этом смысле и грозит "интервентам" тяжкими последствиями. Миротлюбивые круги на Западе рекомендуют САСШ умыть руки и уклониться от исполнения договора, заключенного между САСШ и Ливаном по смыслу "доктрины Айзенхауэра" о Ближнем Востоке.

Ожидается, что парламентские выборы 24 июля могут заменить Шаумана другим премьером, приемлемым для правительственной и для мятежной части. Это означает успокоение. В противном случае, гражданская война продолжится и осложнится, повидимому, возникновением мятежного правительства. Намечившееся дипломатическое вмешательство Турции способно повернуть дело в благоприятную сторону. На чьей же стороне останется Ливан: на красной или на "белой"?

Советский посол в Лондоне Яков Малюк опубликовал будто бы полученные им анонимные письма от американского летчика, якобы имеющего приказ сбросить атомную бомбу близ берегов Англии. Общественное мнение Англии взбудоражено. Полиция пытается найти автора анонима. Установлено, что "американизмы" в письме — подделка. Замешательство продолжается. Опубликование анонимов — прием до сих пор неслыханный в дипломатическом мире.

27-го июня СССР протестовал перед САСШ, обвиняя в засылке бомбардировщика на территорию Армении. Советские летчики заставили его сплутиться и при посадке он сорвался. Так говорила Сов. нота. Население избило летчиков, прежде чем военные власти взяли их под стражу. Летчики освобождены и прибыли в Зап. Германию. Американский самолет был безоружным транспортным аппаратом. Он сбился с пути из-за грозы. Загорелся он потому, что советские истребители его обстреляли. Летчики выпрыгнули на парашютах. Самолет был добит. САСШ заявили протест СССР, одновременно настаивая на возвращении других 9-и летчиков. Эти девять имели вынужденную посадку в Вост. Германии. СССР отказывается "от посредничества", пытаясь вынудить САСШ признать коммунистическое правительство Вост. Германии и вести переговоры непосредственно с ним.

Хрущев неожиданно проговорился о нищете в СССР. Выступая перед рабочими, он набросился на алкоголизм. Порочная пьянство, он говорил о борьбе с изгнанием самогонки и о повышении мер наказания за хулиганство в пьяном виде. Это значит: от "веселой" советской жизни одно спасенье — водка! Водки в лавках нет или она безумно дорога. Повидимому спирт идет на нужды "оброны", почему советские граждане и делают самогон. Все это также обозначает, что на каких-то отдаленных стройках не хватает рабочих рук. Органы Советского "правосудия" теперь будут пополнять недостаток нужных квалификаций. Способ проверенный еще при Сталине.

В Берлине происходит 5-й Конгресс Германской Коммунистической партии. Приехал сюда и Хрущев со всеми сателлитами-попутчиками ("Sputniks"). Представлены компартии 46-ти стран. Ульбрихт хвастает, что перегонит капиталистическую Зап. Германию, приводя лживые факты, по поводу которых его уже осмеяли из Бонна. Ульбрихт обрушивается на "ревизионизм" Тито. Этот последний оказался осяью речи Хрущева. Между строк видно, что

ДОКТОР Вл. ГОЛОВИН
ГЛАЗНЫЕ БОЛЕЗНИ
Ежедневный прием
от 14 до 20 час.
Independencia 825,
Villa Ballester (est. Chilavert)

26 июля 1958 г. в 21 час состоится ежегодный
БАЛ
Союза Св. Бл. Вел. Князя Александра Невского
в прекрасном зале "Hotel Savoy", Callao 181
Играют два джаз-оркестра, программа, обильный буфет, лотерея и много других развлечений.
Чистый приход идет на постройку дома для престарелых и инвалидов.
Билеты можно получить у членов Об-ва. Столики заказывать у М.П. Ергинной Т. Е. 242-3609
Правление.

El error fatal del mariscal Zhukov

Por LOUIS FISCHER

(Continuación)

Khrushchev comenzó por esparcir el rumor de que el mariscal Zhukov se había estado portando como un "Napoleón Bonaparte," anteponiéndose al partido comunista. A los jefes del partido, adiestrados por Stalin en la suspicacia sistemática con respecto a la influencia de lo militar en la política, esto les pareció verosímil y siniestro. Después, Khrushchev explotó la rivalidad existente entre Zhukov y otros miembros del ejército rojo. El mariscal Konev, segundo en influencia en el ejército después de Zhukov, y envidioso de la posición de su jefe, se dejó arrastrar por Khrushchev. En la conspiración participaron también otros militares debido a que se les prometieron ascensos.

Así, cuando el confiado Zhukov aterrizó en el aeródromo de Moscú, toda la maquinación había sido completada y fué recibido solo por un oficial con instrucciones de acompañarlo hasta su casa. Allí se enteró de que había sido destituido de su cargo de ministro de Defensa. El próximo paso fué expulsarlo del presidium. En su casa, con el teléfono intervenido, Zhukov era solo un ser humano contra una poderosa maquinaria política. El mariscal se inclinó entonces ante la evidencia de su eclipse político, y probablemente se congratuló de estar en libertad... y vivo.

(Continuará)

Хрущев грозит Тито веревкой. Смысл речей берлинского коммунистического конгресса закрывает пути для объединения Вост. и Зап. зон Германии.

Хрущев обещал немцам, что с 1-го января 1959 г. он с них не будет брать денег за постройку Советской армии в Германии.

На последних выборах в Зап. Германии выяснилось, что население целиком поддерживает Аденауэра, т. е. сочувствует вооружению армии атомным оружием.

Ген. де Голль заявил, что Франция будет работать над атомным вооружением. САСШ отказались открыть Франции атомные секреты, однако, обещают дать ей мотор для атомной подводной лодки.

Тито и Нассер издали совместный призыв к Западу и Востоку, призывая их к примирению.

Финансовая политика Нассера все больше запутывает его в тенетах красной диктатуры, а внутренняя политика диктатуры взвинчивает население против него. Население зовет его — "Он", но возмущаться не смеет, т.к. полиция стала неизмеримо более строгой, чем была.

В Женеве ученые разных стран обсуждают вопросы контроля над атомными испытаниями в атмосфере взаимного доверия и дружбы.

Америка потрясена внутренним скандалом. Один из ближайших советников и сотрудников Айзенхауэра, Шервин Адамс изобличен в том, что "слишком щедро принимал" дары от коммерсанта Гольдфайна. Речь идет о взяточничестве. Скандал прямо касается Айзенхауэра, т.к. он и раньше защищал Адамса, а усложняется скандал тем, что разгорелся он в отсутствие Президента, т.е. до его возвращения из Канады.

В Канаде Айзенхауэр и премьер Дифенбейкер заключили договор о совместной Американо-Канадской обороне от коммунистической агрессии и рассматривали вопрос о том, чтобы САСШ не чинили препятствий в торговле Канады с... Красным Китаем.

Такова картина, если судить по тому, что происходит на сцене театра международной политики. За кулисы этого театра нам пробраться не пришлось.

Наблюдатель

НАША СТРАНА

ОРГАН МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
NUESTRO PAIS
Organo Monárquico Ruso
Editor-Director
VSEVOLOD DUBROWSKY
Monroe 4219, Buenos Aires, Argentina

ПРЕДСТАВИТЕЛИ AMERICA DEL SUR:

Brasil: Leo Rubanov, Caixa postal 8408
Correio Central, Sao Paulo.
Chile: Sr. Nicolás Rogalev, Correo Central Clasificador F 456, Santiago de Chile.
Venezuela: Sr. K. Kellner, Av. Sarria 24, Quinta Coromoto (Club Ruso), Caracas.
Paraguay: Sr. A. F. Lapchinsky, M.P. O. C. Dirección General de Vialidad, Alberdi esq. Gral. Díaz. Asunción.
U. S. A.
Mrs. M. S. Kingstone, 11 Wolfe ave. San Rafael, Calif. USA.
Mr. A. Klushkin, 196 — 6th Ave, Apt. B. San Francisco 18, Calif.
Mr. M. Maltzoff, 1332 Lucille Ave, Los Angeles 26, Calif.
The Russian National Book Store, 327 E. 14th St. New York 3. N. Y.
Allies Book Shop, 3456, Broadway, New York 31, N. Y.

CANADA

Mr. B. A. Romanovsky, 12036-90 Str., Edmonton, Alta.
Mr. A. Kostyria, 6 Argyle St., Toronto 2, Ont.
Mr. André Alpatoff, 11961, rue Poincaré. (Bordeaux), Montreal (P. Q.)

EUROPE

Belgique: Librairie et Bibliotheque Slave — 13, Rue de Roumanie, Bruxelles
France: Mr. A. Krivocheieff, "Kama" 27, rue de Villiers, Neuilly s/Seine, Seine.
Germany: Frau J. Seuberlich, Wolfsburg Postfach 142
Grèce: Mr. Filatoff, Rue Dedalou 24, Athènes.
Holland: Mej. A. Loeper, Amsterdamse Weg 96, Arnhem.

AUSTRALIA

Mrs. E. Parker, 28 Queen Bess Str. Bundamba, Brisbane, Q-d.
Polyglot Book Depot, 256 Collins Str., Melbourne C 1.
Mr. M. M. Spassovaky, 8, Richmond Str., South Wentworthville, N.S.W.

Контора газеты "Наша Страна" очень просит г.г. подписчиков, имеющих возможность внести подписную плату за полгода или за год вперед, сделать это незамедлительно.

Продолжается подписка на ЕЖЕНЕДЕЛЬНУЮ ГАЗЕТУ

НАША СТРАНА

основанную И. Л. Солоневичем под редакцией Вс. Дубровского

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА

Аргентина — 4.50 песо; САСШ — 30 ам. цент.; Канада — 30 кан. ц.; Бразилия — 12 круз.; Венесуэла — 1 бол.; Уругвай — 60 ур. сент.; Парагвай — 10 гуар.; Чили — 100 чил. песо; Англия — 1 ш. 3 пенса; Франция — 75 фр. фр.; Бельгия — 10 бельг. фр.; Швейцария — 1 шв. франк; Германия — 75 пф.; Иран — 15 риал; Австралия — 1 ш. 6 пенс. австр.; Марокко — 75 фр.; Италия — 200 лир; Голландия — 0.65 гульдена; Швеция — 1 шв. кр.

ПО ВОЗДУШНОЙ ПОЧТЕ

САСШ и Канада — 35 цент.; Бразилия 15 круз.; Венесуэла — 1.25 бол.; Парагвай — 12 гуар.; Чили — 150 чил. песо; Франция — 110 фр. фр.; Германия — 1 нем. марка; Голландия — 1 гульден.

В розничной продаже и при подписке — цена номера одинакова. Подписка принимается Редакцией "Нашей Страны" и ее представителями на определенное количество порядковых номеров. Подписную плату настойчиво просим вносить не менее чем за десять номеров вперед.